

5 кун... на мех две ногате".¹ По этому поводу один из комментаторов Русской Правды П. Мрочек-Дроздовский делает такое замечание: „мех — мешок для поклажи“. Далее он продолжает: „Некоторые, впрочем, объясняют его пергаменом для записывания необходимых сведений... но, кажется, в памятниках древней письменности, как и в современном языке, не найдется никакого подтверждения такому объяснению“.² Однако такой знаток древней письменности, как И. И. Срезневский, указавший на то, что слово „мех“ употреблялось для обозначения мешка, переводит термин „мех“ в Русской Правде как „кожа для письма“. Только абсолютной предвзятостью в подходе к изучению Русской Правды как памятника воображаемой бесписьменной Руси могло появиться толкование Мрочек-Дроздовского. Ведь сама Русская Правда прямо указывает, что и перекладное и пошлина „на мех“ шли писцу. К сожалению, и новейшие комментаторы Русской Правды ограничились только перечислением мнений о том, что означает слово „мех“. Между тем мы имеем указание на пошлины с письменных сделок и записей, относящиеся к XII веку. „Рускаяпись“ упомянута в рукописании Всеволода Мстиславича. Этот термин переведен в „Материалах для терминологического словаря“ как „подать, сбор“, что совершенно правильно, с тем добавлением, что речь идет о пошлинах с письменных записей („Рускаяпись“).

2

Итак, изучение русской письменности XI—XIII веков неизбежно приводит нас к выводу, что письменность была распространена в различных кругах русского общества. Не только феодалы, высшее духовенство и монахи, но и купцы и ремесленники нередко были грамотными, а в некоторых случаях и образованными людьми своего времени. Письменность вошла в общественный быт, была непосредственно связана с жизненными потребностями, по крайней мере в условиях городской жизни.

Возникает вопрос: были ли городские круги безучастны по отношению к литературным движениям на Руси XI—XIII веков?

Если судить по трудам о летописании А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, то на этот вопрос пришлось бы ответить отрицательно. Известно, что А. А. Шахматов придавал громадное значение деятельности церковных кругов в области летописания. Его основной труд по истории летописного дела — „Разыскания о древнейших летописных сводах“, по существу говоря, связывает все летописное дело с епископскими кафедрами и большими монастырями. На смену церковникам Киево-Софийского собора, которым Шахматов приписывает составление древнейшего летописного свода на Руси, по его мнению, приходит Киево-Печерский монастырь. В Киево-Печерском монастыре составляются своды 1073 года и 1093 года и, наконец, Повесть временных лет. Повесть редактируется в Выдубицком монастыре в Киеве и заново исправляется в Киево-Печерском монастыре. Одновременно в XI веке появляется летописный свод при новгородском Софийском соборе.

Дальнейшие исследователи истории летописания в основном идут по стопам А. А. Шахматова, с той только разницей, что, по М. Д.

¹ Правда Русская. I. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, стр. 112.

² Правда Русская. II. Комментарии. М.—Л., 1947, стр. 564.